

ДУХЪ И ПЛОТЬ.

VIII.

Чувство мистической красоты это космическое чувство, которое выносить человѣка за границы его индивидуальности.

Живая дѣйствительность съ ея заботами, съ ея борьбою за существование, замыкаетъ человѣка въ опредѣленный кругъ, занумеровываетъ его, какъ опредѣленную точку среди другихъ однородныхъ точекъ. Но бываетъ такъ, что вдругъ какая то невѣдомая волна подхватить тебя, неизвѣстно откуда дышущій и куда идущій вѣтеръ обвѣять тебя, подниметь и уносить.

Когда въ кругу убѣйственныхъ заботъ
Намъ все мерзить, и жизнь, какъ камней груда,
Лежить на насъ,—вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнетъ,
Минувшимъ насъ обвѣять и обниметь
И страшный грузъ минутно приподниметь.

Бываетъ такъ, какъ будто у человѣка вырастаютъ крылья, подхватываются его и уносятъ въ недосягаемую даль, открывающую предъ нимъ широкіе горизонты.

Чтобы понять и оцѣнить это явленіе, нужно имѣть въ виду, что человѣкъ—сфинксъ: голова у него человѣческая, а все тулowiще какъ у животнаго. Его сознаніе — яркая точка, колеблющаяся на широкомъ фонѣ безсознательнаго; точка эта—узелокъ, отъ которого расходятся безконечныя нити, уже неуловимыя и невѣдомыя. Свою безсознательную основою онъ вѣдряется въ природу, погруженъ въ ея

иѣдра,—и кто знаетъ, гдѣ границы этого родства, какъ далеко уходить изъ его сердца эти нити? Несомнѣнно, онъ сродни животнымъ, чувства животныхъ копошатся въ его груди, въ его чревѣ; онъ сродни стихіямъ,—и мало того, это родство доводить до самой глубины матушки-земли сырой и до безконечной дали мерцающей звѣздочки. И не изъ этой ли широкой основы возникаютъ самыя высокія мысли человѣческія—мысль о единомъ космосѣ, о красотѣ единой повсюду жизни? Родной животнымъ и стихіямъ, человѣкъ отличенъ отъ нихъ своимъ сознаніемъ; въ немъ волны стихійные ударяются о порогъ яснаго сознанія. И вотъ все, что доводить стихію до сознанія человѣческаго, что разрушаетъ границы будничной суеты, колышетъ въ немъ космическую основу, все это и даетъ чувство мистической красоты, всякое такое явленіе и есть мистически-прекрасное явленіе.

Сила красоты въ томъ, что она поднимаетъ человѣка надъ узкими границами будничной сутолоки. Красота болѣе всего противоположна рыночному шуму, дневнымъ заботамъ. Мистическая красота—это красота ночи.

Проснулся день. Свѣтло, широко
На землю лучъ его летить,
И все, чтѣ только видѣть око,
Земного путника манить,—
Но голубого неба своды
Покрыли блѣдностью лучи
И звѣздъ живые хороводы
Къ намъ только выступятъ въ ночи.
Въ движеніи, въ блескѣ жизни долиной
Не сходитъ свыше благодать:
Нельзя въ смятенности невольной
Красы небесной созерцать,
Нельзя съ безбрежностью творенья
Въ чаду отыскивать родства,
И ночь и мракъ уединенья—
Единый путь до божества.

Красота это по преимуществу „неразгаданное ночное“. Мракъ ночной это какъ бы обнаженіе природы, дающее человѣку возможность погрузиться въ ея лоно, забыться въ ней, почувствовать съ ней свое сродство.

Весна и ночь покрыли долъ,
Душа бѣжитъ во мракъ безсонныій
И внятно слышенъ ей глаголь
Стихійной жизни, отрѣшеннай.
И неземное бытіе
Свой разговоръ ведеть съ душою
И вѣтъ прямо на нее
Свою вѣчною струею.

Какъ будто волею всезрящей
На этотъ мигъ ты посвященъ
Глядѣть въ лицо природы спящей
И понимать всемірный сонъ.

Особенная красота ночи—звѣзды; и красота эта—въ чувствѣ родства съ безконечною далью, въ чувствѣ нитей, которыхъ изъ сердца уходятъ въ бездну неба.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды взглядясь.—
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась..

Обнаженность ночи не только въ ея мракѣ, а также въ ея звукахъ, безконечно-разнообразныхъ, неопределенныхъ, неуловимыхъ.

О ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка подъ ризою твоей!..

Таинственный блескъ луны, далекій громъ водопада, неясные очертанія вершинъ—въ чемъ красота этой картины? Въ томъ, что

Душѣ легко; не слышу я
Оковъ земного бытія,
Нѣть мѣста страху, ни надеждѣ—
Что будешь впредь, что было прежде—
Мнѣ все равно—и что меня
Всегда какъ цѣпь къ землѣ тянуло,
Исчезло все съ тревогой дня,
Все въ лунномъ блескѣ потонуло.

Все, въ чемъ видно движение природной стихіи, жизнь природы, ея дума, что волнуетъ ту же стихію въ сердцѣ че-

ловѣка, что будить его прошлое,—во всемъ этомъ красота. Красота въ бурѣ, въ ея завываніяхъ и стонѣ.

О чѣмъ ты воешь, вѣтъръ ночной,
О чѣмъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятныи сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И ноешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовыи звуки!
О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ новѣсти любимой!
Изъ смертной рвется оять груди
И съ безпредѣльнымъ жаждеть слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!...

Какъ прекрасна буря и гроза, дающая почувствовать безпредѣльность міра и ничтожество человѣческихъ дѣлъ и заботъ, дающая почувствовать человѣку родство его съ стихіями міра, будящая въ немъ тѣ же стихіи,—такъ прекрасно и море—безпредѣльная водная стихія. И его пѣнистыя бурныя волны будятъ въ сердцѣ безотчетную отвагу, пробуждаютъ стихійныи силы души,—и его волненіе сродни человѣческой душѣ.

Дробится, и плещетъ, и брызжетъ волна
Мнѣ въ очи соленою влагой;
Недвижно на камнѣ сижу я—полна
Душа безотчетной отвагой.
Валы за валами, прибой и отбой,
И пѣна ихъ гребни покрыла...
О, море, кого же мнѣ вызвать на бой,
Извѣдать воскресшія силы?
Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
Отъ грома и плеска проснулась душа—
Сродни ей шумящее море!

Въ томъ красота моря, что оно даетъ разуму почувствовать собственныи бездонныи глубины души.

. . . . Разумъ понимаетъ,
 Что въ сердцѣ есть у насъ такая глубина,
 Куда и мысль не проникаетъ;
 Откуда, какъ съ морского дна,
 Могучимъ трепетомъ полна,
 Невѣдомая сила вылетаетъ
 И что-то смутно повторяетъ,
 Какъ набѣжавшая волна.

Лѣсь, съ его таинственнымъ мракомъ, съ его стихійнымъ шумомъ, съ его поглощающимъ величиемъ,—лѣсь то же, что море, тоже стихія, обладаетъ тою же красотою, будить въ насъ то же чувство исчезновенія въ лонѣ природы.

Солнце низѣть лучами въ отвѣсъ
 И дрожатъ испареній струи
 У окраины яркихъ небесъ.
 Распахни мнѣ объятья твои,
 Густолистый, развѣсистый лѣсь,
 Чтобъ въ лицо и въ горячую грудь
 Хлынулъ вздохъ твой студеной волной,
 Чтобъ и мнѣ было сладко вздохнуть,—
 Дай устами и взоромъ прильнуть
 У корней мнѣ къ водѣ ключевой!
 Чтобъ и я въ этомъ морѣ исчезъ,
 Потонулъ въ той душистой тѣни,
 Чѣмъ раскинулъ твой пышный наявъсъ,—
 Распахни мнѣ объятья твои,
 Густолистый, развѣсистый лѣсь!

Изъ временъ года—мистически-прекрасна весна. Зима за-
 гоняетъ человѣка въ свою берлогу, мучить его вопросомъ о кускѣ хлѣба, о необходимомъ теплѣ. Весна—оживленіе природы, пробужденіе ея,—пробужденіе въ ней той жизни, которая бѣется пульсомъ въ самомъ человѣкѣ. Красота весны—въ этой гармоніи внутренняго пульса съ блескомъ жизни въ природѣ, въ этомъ единеніи человѣка съ нею, въ этомъ погруженіи въ нее.

Какъ ни гнететъ рука судьбы,
 Какъ ни томитъ людей обманъ,
 Какъ ни браздятъ чело морщины,
 И сердце какъ ни полно ранъ,
 Какимъ бы строгимъ испытаньямъ

Вы ни были подчинены,—
Чтò устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчу весны?
Весна—она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертѣмъ взоръ ея сияетъ,
И ни морщины на челѣ...

Игра и жертва жизни частной,
Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди—струей его эфирной
О мой страдальческую грудь
И жизни божески-всемірной.
Хотя на мигъ причастенъ будь!

Много красоты въ жизни—она разлита воюду! Красота—
въ крикѣ журавлей, заставляющемъ насъ остановиться, забыть о своей заботѣ, унести сердцемъ въ недосягаемую даль, почувствовать въ ней что-то далекое родное. Красота—пѣніе соловья, журчаніе ручья, волненіе нивы... Красота въ пѣснѣ.

Пѣсню кто уразумѣть?
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣть
И кружится голова.

Красота—въ музыкѣ, которая опьяняеть, хотя это и грубая красота, граничащая съ наркотическимъ опьянѣніемъ...

Красота—въ страсти, которая охватываетъ сердце, окрыляетъ душу, даетъ человѣку взглянуть въ бездину своего сердца, открываетъ ему собственную глубину.

Мнѣ въ душу, полную ничтожной сути,
Какъ бурный вихрь, страсть ворвалась нежданно,
Съ налета смяла въ ней нарядные цветы
И разметала садъ, тщеславiemъ убранный.
Условій мелкій соръ, крутящимся столбомъ,
Изъ мысли унесла живительная сила
И токомъ теплымъ слезъ, какъ благостнымъ дождемъ.
Опустошенную мнѣ душу оросила...
Изъ страстей собственно мистически-прекрасна, наиболѣе

даєть чолов'ку блаженство самозабвеннія—лю보́вь,—любо́вь муже́-женська, еротическая.

Красота любви въ томъ, что она не только потрясаетъ всю нервную систему, но и захватываетъ всю душу, окрѣляетъ ее, вдохновляетъ. Красота любви въ ея стихійности: она по преимуществу есть волненіе въ душѣ природной жизни, она по преимуществу вводитъ чолов'ка въ таинство природы, дѣлаетъ близкимъ ему весь міръ.

„Въ теченіе всей своей жизни,—говорить авторъ ст. *Красота въ природѣ и ея смыслъ*,—одиноко растущая или прихотливо движущаяся особь является уединенною отъ всѣхъ другихъ, свободною отъ ихъ вліянія и съ ними не связаною; но въ одинъ мигъ своего существованія, первый и самый важный—когда рождается, она примыкаетъ непосредственно къ морю органической жизни, разлитой по землѣ и уже продолжающейся тысячелѣтія; и въ краткія же мгновенія своего послѣдующаго существованія — когда рождается, она соединяется съ тою жизнью, которая останется на землѣ послѣ того, какъ она сама сдѣлается горстью праха. Такимъ образомъ, въ актѣ рожденія соединенъ весь органическій міръ, такъ разъединенный во всемъ остальномъ своемъ существованіи, которое всегда индивидуально. Чрезъ него особь примыкаетъ къ цѣлому и въ немъ же принимаетъ она на себя всѣ неизгладимыя черты своего сложенія, какъ физического, такъ равно и духовнаго. Неощутимымъ образомъ чрезъ этотъ актъ цѣлое накидывается на появляющееся единичное существо съть какъ бы предѣловъ, изъ которыхъ оно никогда не выйдетъ, въ которыхъ все совершилось, всего будеть желать и всего достигнетъ. Такимъ образомъ органическая жизнь, не прерванная на разстояніи тысячелѣтій и связанныя на всей землѣ, какъ бы пульсируетъ въ индивидуальномъ существованіи, и судьба каждой особи, отъ рожденія и до смерти, есть только единичное біеніе этой великой жизни, ударъ ея, воспринятый и переданный,—необходимое, хотя и пропадающее мгновеніе въ потокѣ вѣчности“.

Наконецъ, красота въ творчествѣ — не въ одномъ только поэтическомъ творчествѣ, какъ это думаютъ поэты, не въ творчествѣ только художественномъ, а во всякомъ творчествѣ—философскомъ, научномъ, религіозномъ, во всякомъ откровеніи.

Красота проявляется во многихъ видахъ, и между всѣми видами красоты есть соотвѣтствіе, связь. Красота творчества преимущественно падаетъ на время любви, на время весны; бури природы находять себѣ откликъ въ буряхъ страстей....

Какъ совпадаютъ всѣ откровенія мистической красоты, такъ равнымъ образомъ и всякая мистическая красота можетъ открываться въ формахъ и условіяхъ утилитарной красоты. На этомъ основывается возможность художественной передачи, наряду со всякими чувствами, также мистической красоты. Въ этомъ случаѣ мистически - эстетическая эмоція и утилитарно-эстетическое ощущеніе, объединяясь въ одномъ эстетическомъ явленіи, раздѣляются въ воспринимающихъ субъектахъ. Въ одной и той же музыкѣ одинъ можетъ воспринимать ощущеніе, способствующее пищеваренію, а въ другомъ она потрясаетъ все существо; въ одно время мы уходимъ въ лѣсъ, чтобы успокоить нервы, а въ другое время мы ищемъ тамъ вдохновенія...

Физиологическое восприятіе красоты и мистическое отношеніе къ ней чередуются въ нашей душѣ, какъ приливъ и отливъ, соотвѣтственно центростремительному и центробѣжному направленію, или настроенію, субъективной жизни.

IX.

Мистическая красота имѣть слишкомъ различную цѣнность въ отношеніи религіозномъ и въ отношеніи нравственномъ.

Мистическая красота имѣть глубокое положительное значеніе въ религіозномъ отношеніи. Она — религіозна. Полная мистическая красота существуетъ для человѣка подъ условіемъ религіознаго сліянія его съ природою, при возможності такого сліянія.

Мистическая красота — колыбель религіи. Первоначально религія совпадаетъ съ космическимъ чувствомъ, религіозное вдохновеніе — съ эстетической эмоціей. Указанія на это мы находимъ даже въ исторіи іудейской религіи. Такъ центральное явленіе іудейской религіи — пророческое вдохновеніе стояло въ связи съ эстетическимъ воодушевленіемъ. Вотъ „сонъ пророковъ, сходящихъ съ высоты, и предъ ними псалтирь и тимпанъ, и свирѣль и гусли, и они пророче-

ствують“. Пророкъ призываетъ гуслиста—„и когда гуслистъ игралъ на гусяхъ, тогда рука Господня коснулась его“. Когда переносили при Давидѣ ковчегъ Господень, „Давидъ скакать изъ всей силы предъ Господомъ... Такъ Давидъ и весь домъ Израилевъ несли ковчегъ Господень съ восклицаніями и трубными звуками“. Дервишу Персію Джеллал - Эддинъ-Руми принадлежитъ стихъ: „Кто извѣдалъ силу пляски,— въ Богъ тотъ“. Абиссинские христіане понынѣ совершаютъ богослуженіе съ пѣніемъ и пляскою. Языческія религіи по существу утверждаютъ на космическомъ вдохновеніи. Въ этомъ именно сущность пантезизма и политеизма. Языческій богъ — богъ натурального экстаза, космического восторга,— богъ плотской любви, богъ оживотворяющаго свѣта и тепла, богъ пляски и пѣнія, богъ бранного воодушевленія, богъ начала семейнаго и народнаго. Пантезизмъ языческой религіи далеко не то же, что философское понятіе пантезизма: религіозный пантезизмъ въ признаніи божественнымъ натурального воодушевленія, въ религіозномъ сліяніи человѣка съ природою. Религіозный пантезизмъ въ отличие отъ философскаго легко уживаются съ антропоморфизмомъ, съ богоолицетвореніемъ. Но вся сила въ томъ, что это есть олицетвореніе природныхъ силъ,—вся сила въ томъ, что пантезизмъ ищетъ богообщенія въ космическомъ восторгѣ, въ натуральному экстазѣ, въ сліяніи съ природою. Культь языческой религіи въ своей первоначальной чистотѣ и непосредственности болѣе всего далекъ отъ символизма, онъ состоялъ въ томъ или другомъ натуральному воодушевленіи— въ жертвенномъ пиршествѣ, въ ароматическихъ куреніяхъ, въ пляскѣ и танцахъ, въ напряженномъ сладострастіи и кровожадности. Въ частности, религія греческая представляется преимущественно религію красоты. И это несомнѣнно такъ, но только не нужно понимать этого служенія красотѣ легкомысленно и поверхностно. Въ жизни грека различались два аспекта красоты — красота дневная, веселая, размѣренная, благоразумная, жизнерадостная, царство Аполлона, и красота стихійная, трагическая, сладострастная и кровожадная, красота Діониса. Эта послѣдняя въ таинственныхъ мистеріяхъ открывала путь человѣку въ лоно природы, давала ему сверхличное богообщеніе, доводила его до божественной жизни. Слѣдуетъ также упомянуть, что свойствен-

ная всѣмъ языческимъ религіямъ жажда чудеснаго психоло-
гически основывается на томъ же опытѣ натурального во-
одушевленія, космического окрыленія, когда человѣкъ стано-
вится инымъ, постигаетъ тайны и совершаєтъ поступки, въ
бодрственномъ состояніи ему недоступные. Этотъ опытъ —
опытъ божественной силы, порождающей и питающей вѣру
въ божественное всемогущество.

Мистическая красота религіозна и это собственно панте-
истическая религія. Но нужно имѣть въ виду, что панте-
измъ этотъ, по закону полярности, естественно переходитъ
въ индивидуализмъ. Давая человѣку общеніе съ универ-
сомъ, красота вмѣстѣ съ тѣмъ отъединяетъ человѣка, ста-
вить его въ центръ всего. Культъ красоты по существу есть
культъ индивидуалистической, культъ эгоистической силы,
личного наслажденія. Въ то время какъ мелкій эгоизмъ ог-
раждается житейскимъ благоразумiemъ, сильный индивиду-
ализмъ питается красотою и страстью. Втягиваясь въ при-
роду, онъ вбираетъ въ себя ея стихію, въ себѣ развиваетъ
ея силу. Это — культъ красоты на ступени ницшеанства, культъ
индивидуальной силы и страсти, воздвигаемый на развали-
нахъ мѣщанского благоразумія. Такъ пантеизмъ переходитъ
въ человѣкобожество.

Но это еще не послѣдняя ступень въ развитіи религіи
красоты. Если сила индивидуума въ страсти, то вѣдь сила
страсти въ моментѣ, который довольствуется собою и не хо-
четъ знать ни о вчера, ни о завтра. Индивидуализмъ выро-
ждается въ обоговореніе индивидуального настроенія, мгно-
венной страсти. Это позднѣйшій эстетизмъ или декадентство.
Здѣсь религія красоты доходитъ своимъ путемъ до послѣд-
нихъ предѣловъ, становится атеизмомъ, — и мало того, тер-
яетъ всякую устойчивость, всякій смыслъ, всякую человѣ-
ческую energiю.

Но еще прежде, чѣмъ дойти до послѣдняго предѣла соб-
ственныхъ путемъ, религія красоты уступаетъ предъ силою
этическаго сознанія. Какъ моральный субъектъ, какъ лич-
ность, человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ въ природѣ.
Природа равнодушна къ добру и злу, равнодушна къ тому,
что дорого для человѣка. Ея красота — „равнодушная краса“.
Съ точки зренія этической это — безобразная красота.

Любилъ и я въ былые годы,

Въ невинности души моей,
 И бури шумныя природы,
 И бури тайныя страстей.
 Но красоты ихъ безобразной
 Я скоро таинство постигъ—
 И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
 И оглушающій языкъ.

Безобразно то, что природа совершенно безстрастна ко всему, что наполняетъ человѣческую жизнь, къ его радости и страданіямъ, къ его усилиямъ и борьбѣ.

И мнѣ когда-то было мило
 Свѣтило блѣдное ночей;
 Такъ много грезъ оно будило
 Въ душѣ неопытной моей!....

Прошли неясныя стремленья
 И поэтическіе сны!
 Теперь иная впечатлѣнья
 Во мнѣ душой порождены.

Досадно мнѣ, что такъ безстрастно,
 Съ недосягаемыхъ высотъ,
 Глядить она на міръ несчастный,
 Гдѣ лжи и зла повсюду гнетъ,
 Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
 И занемогающихъ отъ битвъ,
 Гдѣ льется столько слезъ незримыхъ,
 И скорбныхъ слышится молитвъ.

Но вполнѣ нравственное безобразіе мистической красоты познается въ душевной бурѣ, въ страсти, когда она имѣеть своимъ объектомъ личность. Страсть безжалостна и кровожадна; сжигая ту грудь, въ которой горитъ, она требуетъ жертвы любимаго человѣка.

О, какъ убѣдительно мы любимъ,
 Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
 Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
 Чѣмъ сердцу нашему милѣй!

Намъ говорять: въ томъ, что страсть разбиваетъ устои нравственности, и познается ея стихійная святыня. „И въ сладострастіи, и въ бурѣ есть нѣчто стихійное, страшное и веселое, ледяное и жгучее, но нѣть ничего человѣчески

злого или добра. И въ сердцѣ, и въ стихіи совершаются воля Того, Кто вызвалъ стихію и сердце изъ небытія. И ежели стихійныя силы копятся въ воздухѣ и, наконецъ, разрѣжаются бурею—то на то Его святая воля; и ежели грозовыя силы пола точно также копятся и, наконецъ, разрѣжаются страстью, то и на то Его святая воля... Ударяя въ твердыни нравственныхъ законовъ, страсть разбиваетъ въ дребезги, повидимому, самыя незыблемыя историческія грани, потому что хочетъ все новаго и новаго, безграницнаго, сверхъ-естественнаго, сверхъ-исторического"... Но вѣдь такое отношеніе страсти къ нравственности обоядоостро: пусть страсть, врываясь, опустошаетъ царство этическаго разума,—и разумъ, встрѣчая страсть, даже побѣжденный, подстрѣливается ея крылья, лишаетъ ее чувства невинности—ея послѣдняго оправданія. „Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? говорилъ дядя Ерошки Оленину.—На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣть, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все Онъ сдѣлалъ... На то она сдѣлана, чтобы ее любить да на нее радоваться. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣть. Хоть съ звѣря примѣръ возьми“. Это красиво, стихійно красиво, дико и красиво. Но вѣдь эта дикая страсть не стоитъ одноко, какъ блестящая точка въ темнотѣ; она вплетена въ систему живого человѣка-звѣря и его разнообразныхъ отношеній. У Ерошки любовь къ дѣвкѣ сплетена съ „любовью къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ“. Эта многообразная въ явленіи, но едина въ сущности—звѣрская любовь вставлена въ соотвѣтствующую рамку. „Люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ъдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву,—другихъ законовъ у нихъ нѣть“. И вотъ, когда въ эту систему вкрадывается новое звено, нравственное сознаніе, она невольно разрывается, она именно теряетъ свою красоту, свою невинность. „Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно,—говорилъ о Марьянѣ пріятель дяди Ерошки, Оленинъ.—Это было бы убийство. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями,

убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я?—тогда бы другое дѣло, тогда бы я могъ быть счастливъ“. Въ *Плодахъ просвѣщенія* камердинеръ Федоръ Ивановичъ говорить о горничной Танѣ: „Ласковая дѣвочка, хорошая. А вѣдь сколько ихъ такихъ пропадаетъ, подумаешь! Только вѣдь промахнись одинъ разъ,—пошла по рукамъ... Потомъ въ грязи ее ужъ не сышешь“... Наслаждаясь любовью Анны, Вронскій „чувствовалъ то, что долженъ чувствовать убийца, когда видить тѣло, лишенное имъ жизни“. Онъ и дѣйствительно оказался убийцей Анны и ему пришлось видѣть ея мертвое тѣло, „безстыдно растянутое, окровавленное“, ему пришлось прочесть на ея лицѣ „застывшее, странное, жалкое въ губахъ и ужасное въ остановившихъ, незакрытыхъ глазахъ выраженіе, какъ бы словами выговаривавшее ему“ упрекъ... И для Анны—почему любовь къ Вронскому оказалась роковою? Ее окружали Бетси, Стива Облонскій, Лиза Меркарова—развращенные, но игравшіе развратомъ. Почему же никто изъ нихъ не чувствуетъ отвѣтственности за половую распущенность и лишь на Аннѣ исполняется строгій законъ: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ?“... „Видите ли,—говорила Бетси Аннѣ, на одну и ту же вещь можно смотрѣть трагически и сдѣлать изъ нея мученье и—смотреть просто и даже весело“. Для всѣхъ было просто и даже весело, а для Анны трагически,—почему?.. Въ жизни Анны былъ одинъ моментъ—этически-высокій до необычайного—примиреніе мужа съ Вронскимъ... Когда она, послѣ этого, снова отдалась Вронскому, она чувствовала „что-то ужасное въ этомъ послѣ всего, что было“...

Когда намъ воспѣваютъ стихійную красоту и силу страсти, мы можемъ смотрѣть на эти гимны только какъ на проповѣдь, а не какъ на изображеніе дѣйствительной ея силы. Стихійная страсть—не Богъ, а идолъ—бессильный предъ моральнымъ сознаніемъ. Высшее блаженство невинности, внутренней радости того, „кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ“ и „все дѣлаетъ безъ ропота и сомнѣнія“—это блаженство не можетъ быть создано искусственно, проповѣдью.

Вотъ почему Богъ красоты для нравственнаго сознанія есть не что иное, какъ идолъ. Нравственное сознаніе ищетъ иного Бога, „невѣдомаго“ язычеству,—Отца небеснаго.

Здѣсь поворотный пунктъ отъ натуралистического пантенизма къ этическому теизму.

Не въ томъ теизмъ, что Богъ представляется лично, а въ томъ, что царство Божіе—не природное царство, а царство человѣческое, надприродное. Богъ теизма это собственно человѣческий Богъ, Небесный Отецъ людей. Царство Божіе—царство добра.

Христіанство не можетъ сдѣлать ни малѣйшей уступки въ сторону эстетической религіи, въ сторону эстетизма. Ницшеанство въ философіи и декадентство, или эстетизмъ, въ искусствѣ—дiamетрально противоположны христіанству. Для христіанского сознанія ницшеанство и эстетизмъ въ равной мѣрѣ далеки и отъ нравственности и отъ Бога. Это уже понято у насть. „Декадентство,—справедливо пишеть одинъ критикъ эстетизма,—есть упадокъ или, вѣрнѣе сказать, сознательное отпаденіе... отъ прежнихъ святынь, отъ прежняго Бога, отъ нравственности,—отпаденіе въ то, что противоположно Богу, въ эстетику, въ злую, демонически-обаятельную красоту. Если человѣкъ начинаетъ отпадать отъ своего внутренняго божескаго начала, ему остается идти, все дальше и дальше, только по пути своего личнаго начала“. „Отъединенное „я“,—пишеть другой критикъ,—порываеть не только съ людьми, но и съ Богомъ. Мораль и религію, императивы нравственнаго долга и совѣсти, оно сбрасываеть съ себя, какъ ненужныя цѣпи, какъ отжившія сухія вѣти, преграждающія пути къ необъятному простору капризной смѣни индивидуальныхъ настроеній... Въ глубинахъ своего языческаго культа человѣкобога, точнѣе—сверхчеловѣка, еще точнѣе—бога индивидуального мгновенія,—декадентское движение есть движение, по существу, антихристіансое, и даже тамъ, где оно въ высшихъ своихъ проявленіяхъ поднимается надъ міромъ эстетическаго самолюбованія своей отъединеній сущностью въ сферу „сокровенного ощущенія живой связи нашей съ міромъ иныхъ“, въ сферу мистическихъ чувствованій, оно отдается чаще всего совершенно неопределенному, мутно-расплывающемуся моленію тайнъ. Все потустороннее, нездѣшнее, ноумenalное, всякое прозрѣніе „мировъ иныхъ“ страстно воодушевляетъ сторонниковъ „новаго искусства“... На этой почвѣ создается какой-то, часто грубый фетишизмъ тайны, покло-

неніе ноумenalнымъ кумирамъ, кощунственное обоготоврение всякой тайны, всякой бездны, всякой темной глуби. Подобно натуралистическому пантеизму, который боготворить всю природу, всякую жизнь, молится всему въ природѣ. всякому проявлению жизни, этотъ мистической пантеизмъ боготворитъ всякое дыханіе тайны, все мистическое, молится всякой скрытой, невѣдомой сущности”...

Кратко сказать, эстетический атеизмъ это не примиреніе христіанства съ природою, а отрицаніе христіанства, измѣня ему.

„Для того, чтобы спасти религіозное познаніе и сдѣлать его приемлемымъ,—пишетъ одинъ изъ представителей разслабленного эстетизма,—необходимо отнять у религіозной истины всякую тяжесть, выбросить изъ нея балластъ повелѣній, сдѣлать ее легкой, какъ зеиръ. Слова Христа: иго Мое благо и бремя Мое легко,—для нашего времени должны быть еще облегчены. Религіозной морали вообще чужды всякое иго и бремя, даже малѣйшее. Это радость, дающаяся даромъ всякому желающему принять ее, чистый свѣтъ безъ тѣней, одно право безъ обязанностей, вѣчность и бессмертие безъ заслугъ, бескорыстная жертва Бога ради насть, безъ требованія отъ насть жертвы въ пользу Бога“. Такъ эстетизмъ выдаетъ себя съ руками и ногами. Вѣдь это параличъ сердца, параличъ нравственной энергіи. Ему нужны дѣтскія сказки, тихо убаюкивающія душу; ему нужны карточные домики на пескѣ, разлетающіеся отъ легкаго вѣтра. И печально то, что всякую попытку мыслъ хотять втиснуть въ рамки евангелія, осѣнить знаменіемъ христіанства. Не имѣютъ силы идти за Христомъ и не имѣютъ смѣлости объявить себя противъ Христа; имѣютъ достаточно наглости подмѣщивать къ христіанству чуждые ему элементы. Христіанство бодро, твердо и рѣшительно. „Всякаго, кто слушаетъ слова Мои и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ“...

X.

Христіанство—религія лично-духовная. Оно не стихійно, а человѣчно. Христіанство—это царство богочеловѣческое. Христіанство—область Логоса, творчество этическаго разума.

Ему болѣе всего чужды суевѣрія религіознаго мистицизма—гностическая, культовая и стихійно-эстетическая. Это свѣтлая область автономнаго разума...

Но однако раціонализмъ—каррикатура духовнаго пониманія религії. Христіанская любовь, какъ любовь вѣрующая, не есть отвлеченная идея, но живое всеохватывающее чувство. Христіанство не есть просто отмѣна стихійности въ области религії, но оно—перерожденіе стихійнаго духа Божія въ свободный духъ Христовъ. Христіанинъ имѣть въ себѣ духа Божія—и это именно духъ вѣрующей любви.

Духовная религія примыкаетъ къ этическому разуму. И что ее отличаетъ отъ нравственности, это—вѣра. Что въ нравственности есть долгъ, здѣсь—вѣрующая любовь, поглощающая тяжесть долга, преодолѣвающая нравственность—не въ отрицаніи ея, а въ духѣ любви, радостной, творческой. Религія одновременно—даетъ заповѣди абсолютное выражение, выводить добро изъ узкой субъективной области на просторъ царства Отца небеснаго и, наконецъ, вносить подъемъ воодушевленія—силу Духа Божія—въ жизнь этическаго разума.

Возможна ли красота въ сферѣ человѣческаго разума? Эстетика отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. „Всѣ движенія сердца, пишетъ Гюйо въ *Задачахъ современной эстетики*,—каковы бы они ни были, въ наше время становятся болѣе разсудочными и болѣе философскими. Это тонкое проникновеніе чувствъ разумомъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ нравственного и эстетического прогресса. Къ прогрессу приводить то обстоятельство, что чувство испытываетъ все болѣе и болѣе увеличивающуюся трудность найти удовольствіе тамъ, где разумъ остается неудовлетвореннымъ: чтобы вполнѣ наслаждаться, намъ необходимо мыслить. Человѣкъ интеллигентный поэтому съ презрѣніемъ отнесется къ удовольствіямъ слишкомъ грубымъ и совершенно животнымъ, напр. чисто физическая любовь, не окруженнай и не прикрытая разнаго рода нравственными, религіозными или философскими идеями. Болѣе разумныя удовольствія, напротивъ, получаютъ возрастающее значеніе. Итакъ, по мѣрѣ расширенія области пониманія, создаются новые виды удовольствія или страданія, поэти же облекаютъ ихъ въ форму. Идея не только не заслоняетъ собою живого

образа, но часто содѣйствуетъ его возникновенію; наука безпрерывно устанавливаетъ между предметами новыя соотношенія, открывающія самыя неожиданныя перспективы даже для глаза: палитра писателя обогащается по мѣрѣ обогащенія мысли. Подобно тому, какъ въ первобытныя времена умъ, повидимому, возникъ изъ способности чувствовать, точно такъ же, путемъ обратной эволюціи, и болѣе тонкія чувства порождаются умомъ "... Это же сужденіе встрѣчаемъ у Достоевскаго: „мысль выходитъ изъ чувства и, въ свою очередь, водворяясь въ человѣкѣ, формулируетъ новое“.

Въ вопросѣ о религії можно говорить болѣе рѣшительно, чѣмъ это дѣлаетъ эстетика: здѣсь духовная любовь соединяется съ силою вѣры.

Итакъ, духовная религія--это свѣтлая разумно-человѣческая, точнѣе, богочеловѣческая, а не стихійная, область: однако въ ней тоже дѣйствуетъ духъ Божій—духъ свободной любви. Безъ этого предположенія христіанство является непостижимою тайною. Христіанская любовь, какъ идеаль и долгъ, какъ заповѣдь, совершенно непонятна, немыслима, невозможна. Христіанская любовь—духовное дарование, обладающее всею силою страсти, заключающее въ себѣ все упое-ніе мистической красоты. Такъ единственно можно понимать духовную любовь на твердомъ основаніи христіанскихъ первоисточниковъ и церковной исторіи. Современные кривотолки о христіанствѣ, какъ укрывающіеся за церковною оградою, такъ и раздающіеся на свободѣ, всѣ эти возраженія противъ евангелія, что любить всѣхъ невозможно, и подобныя,—все это прежде всего плодъ невѣжества въ отношеніи къ христіанскимъ первоисточникамъ и христіанскому опыту. Равнымъ образомъ и личный вопросъ: „христіанинъ ли я?“ есть вопросъ: „какого я духа?“ И въ решеніи этого вопроса должна быть искренность: кто не имѣетъ духа Христова, кто не испытываетъ блаженства самоотреченія, восторга духовной любви, тотъ не христіанинъ, какъ бы ни казалось ему христіанство отвлеченно прекраснымъ, или всеобще-обязательнымъ.

Это не проповѣдь, а результатъ изученія фактовъ христіанского опыта.

Если мы въ правѣ поставить всякой религії предѣль въ нравственности, то мы обязаны понять религію эстетически.

Все упоеніе красоты, безъ котораго жизнь мелочна и буднично-теплохладна, христіанину дано въ восторгъ любви; красота духовной любви есть единственная красота, которая, соединяя человѣка съ Богомъ и людьми, не уничтожаетъ его свободной автономной личности, но даетъ ей полное содержаніе. Это разумная красота.

Христіанская любовь, какъ духовная, какъ вѣрующая, дѣйствительно объединяетъ мораль долга и красоту свободной жизни, разумъ и природу—въ царствѣ Отца небеснаго. Но не эстетическимъ соединеніемъ разума съ природою рождается христіанство, а религіозная вѣра, дѣйствующая любовью, создаетъ царство духовной красоты. Въ этомъ громадная разница.

Религіозная любовь—*αγαπη*, стихійное безуміе—*ερωс*. Та и другая имѣютъ въ себѣ духа, имѣютъ въ себѣ красоту. Но именно стихійно онѣ различны и несліянны, онѣ раздѣлены границею нравственнаго сознанія. Сліяніе ихъ, „ощущеніе красоты въ обоихъ полюсахъ“—болѣзньенное явленіе. Богочеловѣкъ и человѣкобогъ несоединимы. Между пантегистическими-буддийскими погруженіемъ въ природу и разумно-творческимъ насажденіемъ царства Отца Небеснаго возможна лишь связь полярной смѣшны, чередованіе ночи и дня, но не сочетаніе, которое всегда будетъ смѣшениемъ, противнымъ гермафротитизму. Энергія душевная при этомъ переходѣ преобразуется и, такъ какъ христіанство есть любовь до смерти и вѣра безгранична, т. е. въ сущности предѣльно, захватываетъ весь духъ, то энергіи уже не остается на эротическую стихію. Христіанство даетъ человѣку полную и истинную свободу отъ стихій. Предъ идею абсолютнаго неба земля есть только царство *цѣломудренной* природы, предъ бездною неба человѣческое—есть только *нравственно-человѣческое*.

Между стихійною красотою и красотою духовною лежить міръ будничной суэты съ ея фарисейско-лицемѣрною религіею; изъ ея духоты единственный выходъ—въ царство красоты, для разумно-этическаго сознанія—въ царство красоты духовной.

M. Таркевъ.
